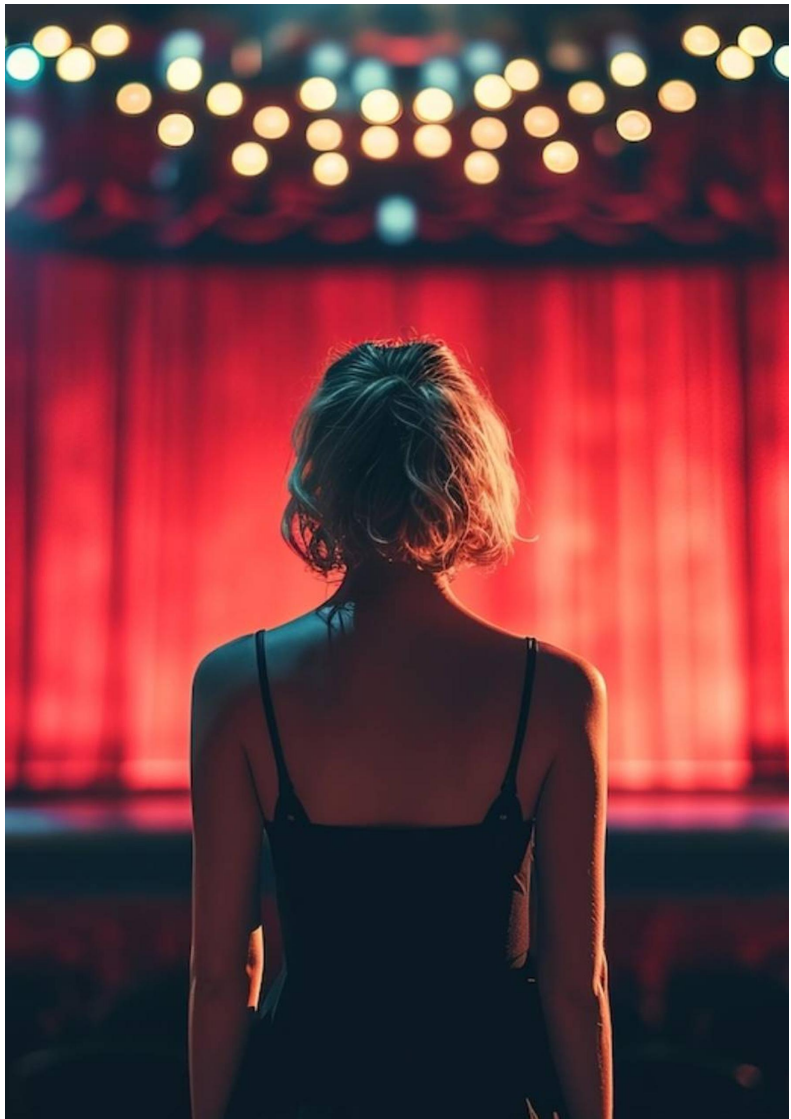

Валерия Синцова

Маленькая актриса

<https://litres.ru/74421309>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она мечтала исцелять души, но забыла, что её собственное сердце хрупко. Маленькая Аня, увидев однажды игру великой актрисы, поклялась, что станет «исцелять» людей через искусство. Спустя годы эта клятва становится единственным смыслом её жизни. Несмотря на смертельный врожденный порок сердца, она штурмует театральные подмостки, доказывая, что талант сильнее любого недуга. В институте её ждут не только изнурительные репетиции и жестокая критика мастеров, но и настоящая любовь — партнёр по сцене, готовый разделить с ней её ношу. Однако путь к главной роли усеян испытаниями: предательство отца, потеря матери и постоянный страх, что её «надломленное» сердце не выдержит нагрузки. Когда Аня получает шанс сыграть Кончиту в легендарной рок-опере «Юнона и Авось», она готова на всё, чтобы выйти на сцену. Но какой ценой даётся это право? «Маленькая актриса» — это история о силе искусства, которое способно победить смерть, и о трагической жертве, которую приходится приносить во имя мечты.

Валерия Синцова

Маленькая актриса

«Маленькая актриса»

Пролог

Зябкость окутывало маленькое тело, ледяной зимний ветер до больного щекотал щеки и нос маленькой девочки, держась за руку матери и пробираясь сквозь уставшую толпу, девочка разглядывала праздничный наряд города. Добравшись до назначенного матерью места, маленькая Аня смогла выдохнуть. Столько приключений за сегодня, а главное только ожидает. В преддверии нового года, отец смог достать два билета на самый популярный спектакль. «Юнона и Авось». «Бог ты мой, глазам не верю» кричал на всю квартиру мать. Антонина Семеновна с детства мечтала стать актрисой, но жизнь распорядилась иначе её желаниями. Подготовка к великому походу началась задолго до сегодняшнего дня. Новые платья, посещение салона красоты, где обязательно нужно оповестить своего мастера о важности похода, и не дай бог в темной комнате набитой не удобными креслами кто-то неожиданно разглядит седой волос. Множество деталей было продумано заранее, походка, заход внутрь, подача своего пальто гардеробщику, элегантная походка, непринуждённый взгляд слегка выказывающий свое уважение и пренебрежение одновременно. Маленькая Аня смогла соблю-

сти все наставления своей матери, поэтому, когда свет погас и раздвинулись шторы, девочка выдохнула от пристального надзора матери. Всё внимание юной девчушки было приковано на изящный силуэт в белом легком платье украшающее темное калифорнийскую шаль, на фоне мрачной, качающейся корабельной сценографии Кончита казалась яркой вспышкой света и тепла. Нежный, чистый голос гладил восторженные уши зала. Маленькая Аня смотрела на актрису с неистовым изумлением. Её глаза не отрывались от прекрасного силуэта до конца представления, а после, когда занавес вновь приоткрылся и на сцену вышли актеры, Аня схватила цветы и что было смелости и сил направилась к чарующему эталону. Подойдя ближе Аня остановилась, голос женщины заставил её прислушаться, она обращалась к актрисе, от красоты которой у Ани пробирали мурашки по всему телу, но услышав слова женщины, маленькая девочка замерла.

- Моя дорогая, Алёна, я благодарна вам за ваш труд, за красоту которую вы дарите этому миру. Мне не так много лет, но к сожалению, я столкнулась с сокрушительной проблемой человечества, с полгода назад у меня нашли рак. И знаете, Алена, лишь ваше творчество дарит мне улыбку в столь ужасное время, вы исцеляете меня, спасибо вам за всё – шепотом проговаривая каждое слово по несколько раз произносила женщина. Вид у неё был усталый, лицо истощенное, через которое пробивается счастливая улыбка. Подарив цветы и поблагодарив женщину за прекрасную игру, малень-

кая Аня отправилась с матерью домой раздумывая над словами уставшей женщины. Находясь в кровати, девочка разглядывала семейную фотографию, счастливые улыбающиеся люди смотрели на неё, отец, который не был богат, но всегда умел удивлять своих маленьких женщин, мать, которая всю жизнь мечтала стать актрисой, но из-за ранней беременности оставила мечту и погрузилась в новый удивительный мир материнства, и девочка, которая до сегодняшнего дня изъясляла желание помогать людям. Она понимала, что врачи это самые сильные добродушные люди, они лечат недуги людей, дарили им новые счастливые дни. Но что-то изменилось во взгляде той девочки, сегодня она поняла, что иногда медицина бессильна, на смену ей приходит нечто иное. Она смотрела на себя в зеркало и бесшумно поклялась себе, что будет помогать людям, она излечит не одну израненную душу.

1 глава.

12 лет спустя.

Юная девушка носилась словно вихрь по своей комнате собирая вещи и кидая их в сумку. Осмотрев комнату на наличие забытых вещей, она убедилась, что может выходить. Посмотрев на себя в зеркало, она увидела лицо, которое обрамляет пышный ореол золотисто-медовых кудрей. Пряди, непослушные и воздушные, словно пойманные лёгким ветром, создают эффект мягкого сияния вокруг головы. На светлой, фарфоровой коже рассыпана щедрая россыпь вес-

нушек — они, словно маленькие созвездия, придают лицу трогательную, живую непосредственность. Особое внимание притягивают глаза: ясные, глубокие, оттенка северного изумруда. В них читается открытый, но в то же время немножго задумчивый взгляд, полный тихой доброты. Чуть тронутые румянцем губы сложены в мягкую, едва уловимую улыбку, которая придаёт образу лёгкую загадочность.

- Анята, пора выходить! — доносился материнский голос из коридора.

- Иду, мам

- Милая, ты хорошо себя чувствуешь? Какая- то бледная

- Все хорошо, я немного нервничаю

- Все пройдет замечательно, ты в своих пуантах только не мылась разве что. Мы с папой тобой очень гордимся – нежно целуя свою дочь в макушку, женщина собрала сумку и вышла из квартиры.

Подъезжая к дому культуры, где у Аня состоится первый концерт, сердце трепетало от радости и в то же время пыталось вырваться наружу от страха. Она потратила долгие годы, чтобы наверстать упущенное время, в школе балета, музыкальной школе, театральной она была старше всех, за что ей приходилось заниматься упорнее. С того самого новогоднего похода в театр и обещания себе самой перед зеркалом, Аня начала вести серьезную подготовку к театральному училищу. Музыкальный слух, вокальные данные, театральное мастерство, начитанность, все тренировалось ежеднев-

но. Поднимаясь к дверям гримерной Аню терзало её самочувствие, упорные тренировки, репетиции новой программы, постановка сольного танца, изматывали её до предела, но мысль о сокровенном желании не давала отпускать руки.

- Аня, привет, давай быстрее, нужно делать макияж – со спины донесся голос подруги, Арины.

- Поможешь мне, я кажется от страха, рук не чувствую

- Не говори ерунды, ты сутками оттачивала номера, все будет хорошо вот увидишь мы получим удовольствием от своей работы – ободряющий голос Арины, пробился сквозь удушающий страх Ани.

Занавес поднимается, темное пространство заполняется огнями прожекторов, свет озаряет зал, пустая сцена заполняется людьми в изумительных костюмах, взгляды зрителей прикованы на чудеса человеческих рук и мастерство постановщиков. Душа маленькой Ани наполнена счастьем, её руки расплываются в легких, плавающих движениях, ноги, наполненные силой, парят из одной точки сцены к другой. Каждый прыжок вверх наполняет её, дарит надежду на правильность своих действий, она бросает быстрый взгляд на зал. Все смотрят на неё, в глазах искры, подлетающие к ней и возвышаю её над другими членами танца. Улыбки расплываются по их лицам, она исцеляет их, каждого сидящего человека перед ней. Аня понимает, что до великого исцеления человеческих душ ей ещё далеко. Нужно прилагать больше усилий и старания, но на сегодня уставшие лица становят-

ся отдохнувшими, грустные наполняются восторгом, а одинокие приобретают компанию в виде целой группы людей, старающихся для них. В самом центре зала находится ещё одна душа, которая была наполнена сожалением о несбывшейся мечте, душа при одном взгляде на дочь наполнилась гордостью и навсегда затушила в себе эту боль, получив исцеление. Последний аккорд, её мгновение, на сцене появляется маленькая фигура, трепет по всему телу, исполняя одно движением за другим девушка продолжает порхать, дыхание замирает, свет выключается, тело падает на пустую сцену, лишь издали слышится вздохи людей, которые еще недавно с замиранием сердца смотрели на неё, не произнося не слова.

Свет вновь появляется перед глазами Ани, но он не похож на тот, на который она смотрела сутками перед концертом, более белый, сознание затуманилось, глаза подводят как никогда, лишь теплое прикосновение и знакомые нежный голос матери проявляет ясность разгребая в разные стороны огромную туманность.

- Милая, как себя чувствуешь?

- Голова болит, все кружится, тошнит, что со мной? – еле слышно произносит Аня

- Всё будет хорошо, я обещаю

- Мам... - Антонина Семеновна положила ладонь на голову своей дочери и уложила спать, объяснив тем, что дома она всё расскажет.

2 глава.

Дом Ани, сутки спустя.

- Тоня, мы не можем позволять ей и дальше бегать по различным творческим кружкам, изматывать себя и гробить свою жизнь. Когда Аня проснется я пойду и объясню ей, что она должна оставить эту идею и взяться за учебу – вполголоса говорил отец семейства Аркадий Иванович, стараясь не только разбудить свою дочь, но и не вывести свою жену из себя, но она и слушать его не хотела

- Только посмей, Аркаша, я тебе не позволю. И это не идея в её голове, это мечта её жизни, мой дорогой. Думаешь, мне легко это принять? думаешь я не понимаю, как всё серьезно? Ох, дорогой мой, ещё как понимаю, но мы не можем после стольких лет её упорства зайти в комнату и растоптать мечту в порошок – истерично перебирая чистые сырые тарелки проговаривала Антонина Семеновна.

- Тогда что ты предлагаешь? – наращивая свою злость говорил Аркадий Иванович.

- Я не знаю, но, когда она проснется ты не пойдешь к ней в комнату.

Некоторое время спустя в комнате Ани. Свет, который пробивался сквозь сонные глаза девушки, всё также не был похож на тот который она хотела видеть. Затуманенный рассудок выдавал различные картинки перед глазами. Вот она порхает над сценой, восхищенные взгляды людей сменяются темнотой, яркий белый свет белые стены и нежный голос

матери, успокаивающий её, затем темнота снова встречает её в воспоминаниях и вот она дома. В комнату входит мама, в руках поднос с тарелками и стаканом чая. Запах любимого куриного супа пробуждает аппетит и малость интереса к чему-либо в девушке. Она молча встает и присаживается на стул, приступая поглотить божественную еду.

- Врач предупредил, что ты проснешься с сильным аппетитом, решила, что любимый суп поднимет тебе настроение – ласково произнесла мать

- Какой сегодня день?

- С концерта прошло два дня, милая, когда закончишь обедать приляг отдохни ещё немного, а вечером мы поговорим

- О чем? О том, что мне нужно будет отужинать, а после снова прилечь отдохнуть и так круг за кругом? Сколько мне нужно съесть тарелок и отоспать часов, чтобы ты рассказала, что случилось? – голод и непонимание резко сменилось злостью. Взгляд матери заставило остепениться молодую девушку.

- Аня, во время твоей сольной партии ты потеряла сознание и упала во время финального прыжка. Не волнуйся, милая, все конечности целы, но твой обморок имеет свои последствия... - тяжесть на сердце давила на мать как, снаружи так и изнутри, глаза выдавали самое ужасное, а губы тряслись с такой скоростью, что не о каком спокойном разговоре речи и не было.

- Какие последствия?

- У тебя нашли врожденный порок сердца, небольшие дефекты в перегородке, но с этим можно жить, слава богу медицина дошла до того, что многие люди с таким диагнозом доживают до восьмидесяти лет и больше если соблюдают некоторые правила.

- Какие правила?

- Необходимо убрать физические нагрузки

- Но меня же это никак не касается, я не пытаюсь стать олимпийской чемпионкой по легкой атлетики или плаванию. Мам, я всего лишь занимаюсь танцами, балетом, театральной студией и музыкальной.

- Милая, это не всего лишь, а целый набор физических нагрузок, который заменяет две три тренировки олимпийских чемпионов – в комнату зашел отец, подойдя ближе к дочери он положил свою руку ей на плечо, и посмотрел убедительным взглядом, не давая шанса на сожаления. Мать одарила его взглядом осуждения и направила голову Ани к себе.

- Милая, он прав, я знаю, как ты мечтаешь стать актрисой, а для хорошей актрисы мало уметь плакать на камеру или влюбляться своего коллегу с первых секунд, но тебе придется сократить свои нагрузки. Можешь оставить пение – поддерживающая улыбка матери исказилась на лице.

- Оставить пение? Мама, папа, вы не понимаете, стать актрисой это мечта пятилетней девочки, но семнадцатилетней – цель. Я не загадываю это на каждой именинной свечки,

не произношу про себя, когда вижу падающую звезду или, когда вижу четыре одинаковые цифры на времени. Я встаю каждое утро собираю три разные сумки для балета, музыкальной школы и театра. Я упорно тружусь в каждом из трех зданий, а также не забываю про школу, к тому же я успеваю читать книги, смотреть сотни спектаклей, анализируя работу актеров. Я не могу просто взять и оставить только пение. Чтобы что? Чтобы стать певицей? Или чтобы эта маленькая крупица моего труда оставалась лишь крупицей?

- Аня, ты наша дочь, и ты не понимаешь, как всё серьезно, не слушай свою мать, с этим можно жить только если ограничить все физические нагрузки, только так ты сможешь закончить школу, поступить в хороший институт, получить диплом, увидеть мир, в конце концов, выйти замуж и родить своего ребенка, которому будешь точно также объяснять важность жизни от мнимой цели. Мы не всегда делаем, что хотим, можешь спросить свою мать, но это не значит, что мы от этого несчастливы. Люди адаптируются находят другие способы существования и радости.

- Но мне не нужны другие способы, не собираюсь я адаптироваться под твоим существованием.

- Значит, мы ограничим тебе путь в кружки самостоятельно. С сегодняшнего дня садишься плотно за учебу. Начни с биологии.

- Хватит, довольно, уйди из комнаты. Не надо на меня так смотреть, ты уже много всего сказал, будь добор, проваливай

из комнаты нашей дочери – вскочив со стула, указывая руками приказала Антонина Семеновна. Дверь захлопнулась, в комнате остались двое.

- Милая, посмотри на меня, никто, слышишь никто не смеет тебе указывать к чему тебе стремиться, даже мы с отцом. Я не упускала свой шанс, а приобрела его в виде тебя. Ты не уйдешь из кружков, но немного сократишь нагрузку, будем ездить на обследование, и ты поступишь в театральное училище, станешь актрисой, я уже пообещала тебе в больнице, что всё будет хорошо.

- Спасибо, мам – нежный поцелуй матери, растворил всю злость и ярость, что накопилась за несколько минут. Аня смотрела на мать и видела ту самую женщину с усталым видом стоящую перед прекрасным эталоном. Исцеление, вот что имела в виду та женщина. Актриса, исполнявшая роль Кончиты, наполняла больную женщину радостью, тем малым счастьем, которого не могли ей подарить врачи. Точно также, как и мать Ани, врачи превратили её цель в ледяную глыбу, а мать сделала трещину и провела лучик надежды.

- Мам, от кого мне передалось эта болезнь?

- Не знаю, милая, родителей твоего отца я не знала, как и он сам, мы предполагаем, что от них.

- Понятно, мне нужно позвонить Арине, ты не могла бы сама сообщить моим педагогам о нашем решении сама?

- Конечно, Анята, а ты лучше отдохни и позови Арину к нам в гости на завтра

- Хорошо

3 глава.

- Как ты себя чувствуешь? – проходя в комнату и устраиваясь на кресле произнесла Арина

- Намного лучше, чем вчера, уже не терпеться встать на пуанты. Думаю, за такой длительный отдых мои ноги забыли их ощущения – расчесывая свои непослушные кудри проговаривала Аня.

- Может тебе вообще не стоит вставать на них? – не смотря в глаза своей подруге произнесла Арина

- Почему?

- Аня, ты же знаешь, как дорога мне и вообще всем, кто знает тебя, я хочу приходить к тебе в гости, ходить в кино, обсуждать книги, новые песни, сплетни еще много лет, но... - палец подруги не дал закончить, того, что так боялась произнести семнадцатилетняя девочка

- Никаких, но, хорошо? – ободряющий взгляд и нелепый подмиг Ани успокоил нарастающую панику, что поселилась в этой комнате с момента её пробуждения день назад – Знаешь, я множество раз думала о той женщины с раком, помнишь я рассказывала? – Арина одарила свою подругу утверждающем кивком головы, и Аня продолжила – так вот, она постоянно всплывает в моей голове, иногда я ночами могу не спать, продумывая сценарии её жизни после того концерта. Победила ли она рак? Или рак победил её? Тогда, как она провела последние минуты жизни? Была ли счастлива,

как в те секунды рядом с актрисой, подарившие ей минуты радости? Или она была совсем одна и лишь воспоминания о радостных моментах её подбадривали? – слезы наворачивались бугром на глазах семнадцатилетней девушки, голос дрожал, смотреть на подругу не было сил, ощутив прикосновение на спине, повернувшись она очутилась в самых крепких объятиях за всю их не многолетнюю дружбу.

- Нам этого не узнать, можешь гадать в этих четырёх стенах её судьбу, а можем прогуляться немного, кажется свежий воздух нам не повредит – улыбаясь потянула за собой подругу.

4 глава.

Апрель начался с оглушительной капли и запаха сырой, освобождающейся от зимнего плена земли. Снег, ещё вчера казавшийся незыблемым, вдруг потемнел, осунулся и стал ноздреватым, как старая губка. Повсюду проснулись шальные, звонкие ручьи, пробивающие себе дорогу сквозь ледяные забереги и уносящие с собой прошлогоднюю пожухлую траву. Воздух, очищенный первыми теплыми ветрами, стал по-особенному прозрачным и хрустальным. Солнце теперь не просто светило, а ощутимо пригревало макушки, заставляя людей зажмуриваться и расстегивать надоевшие за зиму пальто. Для выпускников апрель наступил не календарным теплом, а шуршанием бесконечных тестовых бланков и тиканьем невидимых часов. Внутри школьных стен воздух казался наэлектризованным от общего напряжения: бес-

конечные пробники, консультации и пугающие напутствия учителей. Но стоило выйти на крыльцо, как этот экзаменационный морок мгновенно рассеивался под лучами слепящего солнца. Смотреть в тетради было решительно невозможно — мысли улетали сквозь вымытые классные окна туда, где по сухому асфальту бежали ручьи, а жизнь казалась бесконечной и прекрасной. Это была пора отчаянного двоедушия: одной половиной сердца они жутко боялись будущего, а другой — уже вовсю праздновали его наступление. Но для самых отважных искателей своего будущего время уже настало. Поступление в актерское училище начинается задолго до освобождения от школьных оков, эти ребята трудятся как пчелки в не самый удачный год на несколько ульев сразу. Школьные задания, подготовка к экзаменам, первые отборочные этапы сплетаются с незабываемыми чувствами, ощущением азарта, приятными знакомствами, путешествиями. Репетируя заготовленную басню, Анна попивала кофе с пряниками, сидя в вагоне. Напротив, расположилась мать Ани, скрупулёзно изучая информацию о каждом выбранном училище её дочерью. После обнаружения врожденного порока сердца прошло несколько месяцев, Анна смогла найти баланс между занятиями и нагрузками. С поддержкой матери, друзей и преподавателей девушка с тех пор не теряла сознание. Но чувство страха поселилась в ней с того дня и навсегда. Перед тем, как повторить номер, пропеть песню, прогуляться с друзьями лишний час Анна задумывалась не при-

чинит ли она себе вред. В такие моменты она мысленно обращалась к той женщине, вспоминая её слова о исцелении её души, благодаря красоте искусству, а не врачебным указаниям, Анна находила в себе скрытую уверенность в своих действиях и продолжала идти на встречу к своей миссии. Первая остановка. Первая попытка. Подготовка началась задолго до прибытия, первый этап, первый институт, самое волнительное время. Заходя в стены института, каждый будущий актер был окрылен внутренним огнем, твердящим ему: «Ты рожден для сцены, комиссия замрет от твоего таланта». Но под маской этого юношеского апломба всегда прятался злой гений. Этот внутренний злодей терпеливо ждал своего часа, чтобы прямо во время монолога парализовать горло, сковать движения и утянуть артиста в черную пропасть неуверенности. Зал ожидания походил на зоопарк, где запуганные сурикаты, студенты, собравшиеся в кучки. Они вытягивали свои шеи при каждом скрипе заветной двери, испуганно смотрели по сторонам круглыми глазами, готовясь по первому сигналу броситься в рассыпную. Находились и такие личности как свирепые тигры. Высокий молодой человек, в идеально выглаженной рубашке, прилизанными волосами, и удачно подходящими под его телосложение и рост брюками. Находясь в четырех стенах, он мерил каждый угол своими длинными шагами, взгляд был направлен вниз, но стоило кому-то посмотреть, как он свирепо поднимал длинную шею. Наблюдая за тигром, Анна заметила не менее ин-

тересную группу, раненные чайки, девушки, не переставая повторяли свои басни и стихотворения. Их голоса то и дело срывались на неестественный истерический клекот. Взмахивая руками, они пытались всеми силами поймать, уходящий от них воздух. В самом углу, сползя по стулу едва ли не на пол, застыл парень в мятном джемпере. Он уставился мертвым взглядом в одну точку на потолке, полностью отключившись от реальности. Страх парализовал его, заставив включить режим мнимой смерти — природный механизм защиты от хищников из приемной комиссии. Ну и какой же зоопарк без суетливой мартышки, в этом эпицентре человеческих красок находилась девушка, которая отличалась от остальных. Внешний вид соответствовал остальным, ничего яркого, вызывающего надето не было, ели заметный макияж, элегантно и в то же время простое платье. Но судорожные движения выдавали её, по несколько раз поправляя заколку, осматривая своё лицо, подбегая к каждому из абитуриентов, заглядывая прямо в глаза, заставляя проверить как она выглядит, изображая ту или иную мимику. Анна не успела обнажить свое внутренне поведение, пристроиться к одной из человеческих групп, дверь отварилаь. Проходя внутрь Анна определилась с ролью и для комиссии - хладнокровные дрессировщики, которые устали от однотипных трюков. Сидя в полумраке аудитории, они скучающим взглядом оценивали каждого, кто переступал порог. В их руках не было видимых хлыстов, но их авторитет и ледяные вопросы шелка-

ли в воздухе, заставляя «сурикатов» лепетать, а «тигров» — трусливо поджимать хвосты. Они искали того единственного зверя, который не пойдет на задних лапах по первому щелчку, а посмеет огрызнуться. Храбрый сокол, глядит на сокола, а курица - на петуха.

О, знал бы я, что так бывает,

Когда пускался на дебют,

Что строчки с кровью — убивают,

Нахлынут горлом и убьют!

<...>

Когда строку диктует чувство,

Оно на сцену шлет раба,

И здесь кончается искусство,

И дышат почва и судьба.

Борис Пастернак «О знал, бы я, что так бывает»

5 глава.

- Надутые индюки! Да что они возомнили о себе? – размахивая руками, кричала на всё кафе разъяренная Антони-

на Семеновна

- Мам, перестань кричать, на нас все смотрят – успокаивающим тоном произнесла Аня

- Волосы как мочалка, колени широковаты, веснушек многовато, на себя пусть в зеркало глянут. Видала я эту комиссию, тонкий толстый через одного

- Ты что пробралась в институт? – в полном удивлении задала вопрос Аня

- Я переживала за тебя – искоса смотрела мать

- Мама?

- Я переживала за реакцию комиссии на твой порок

- Больше так не делай. Я сама буду разбираться с комиссией. Мы составили приличный список институтов и мастерских, эта была лишь первая.

- Хорошо, милая

Время безжалостно уносило дни, Анна продолжала погружаться в театральный мир. Этапы проносились один за другим, удача сменяла невезением, невезение сменялось удачей водоворотом поглотив маленькую актрису. «Всё довольно», «Остановитесь», «Скажите, ваши волосы могут быть более прямыми?», «Какой у вас рост? А размер талии? Вы можете достать ладонями до пят?» Сотни вопросов, заданий проходила юная девушка и с каждым разом становилось сложнее объясняться перед комиссией за свои природные данные. Похоже на ритуал инициации в древних племенах, где молодого парня испытывали на прочность перед

тем как принять в охотники. Преодолевая огненное крещение, она прекрасно видела замысел режиссеров: их изощренные вопросы были призваны расколоть её защитный панцирь. Вот только под этой броней скрывалось то, что не подавалось их рентгеновскому зрению, — врождённый порок сердца, её неизлечимое наследство. И теперь в свете безжалостных рамп ей нужно было совершить невозможное: убедить комиссию, что она физически способна выдержать сумасшедшие нагрузки сцены, и тут же доказать, что её надломленное, хрупкое сердце способно чувствовать глубже и острее любого здорового. Прошла первый этап. Успешно завершила второй. Провал. Новая попытка. Первый этап, новое знакомство, блистательная совместная работа, второй этап. Провал, но новая подруга получила шанс, приятная радость. Сначала. Первый этап, второй этап, третий этап, трепет сердца, предвкушение победы...Провал. Долгие разговоры с матерью, утирание слез друг другу, обещание идти до конца. Сначала. Стихотворение. Проза. Провал. Стихотворение. Проза. Вокал. Сначала. Стихотворение. Проза. Вокал. Танец. Гибкость. Слезы. Сначала. Стихотворение. Проза. Вокал. Танец. Победа! Три тура позади. Дорога домой согревала душу Ани, по телу пробегал приятное расслабление, воздух казался таким ненасытным, что хотелось поглотить его целиком. За окном тянулся прозрачный, еще не одетый в листву апрельский лес. Деревья стояли обнаженными, и сквозь их серые кружева горизонт просматривался на-

сквозь — непривычно далеко и четко. Кое-где в глубоких ложбинах и оврагах у насыпи еще лежали серые, ноздреватые пласты последнего, умирающего снега. Земля выглядела проснувшейся, влажной и темной, жадно впитывающей весенний свет. Мимо окон проносились березовые рощи, чьи ветви уже налились густым бордовым соком, готовые вот-вот взорваться первыми почками.

- По приезду купим торт и отметим твою небольшую победу — отрывая внимание дочери от окна, радостно проговаривала мать.

- Думаю, папе не понравится эта идея

- Не стоит думать об этом, ты заслужила торт — с твердым убеждением в голосе сказала мать.

6 глава

Выпускной Ани

Упоительная пора — конец мая, сотканный из аромата цветущей сирени и предвкушения новой жизни. Юноши, внезапно повзрослевшие за одну ночь, бережно облачаются в строгие костюмы, поправляют перед зеркалом узлы строгих галстуков и начищают туфли до зеркального блеска. В это же время девушки замирают перед зеркалами в предпраздничном волнении. Они наряжаются в летящие платья, где расшитый узорами лиф мягко очерчивает силуэт и плавно переходит в пышную, облачную юбку, которая шуршит при каждом шаге и слегка прячет каблочки. Локоны их послушно и аккуратно убраны сверкающими заколками, завершая этот

хрупкий, торжественный образ. Одна из таких юных красавиц, заканчивая последние штрихи в своём образе, готовилась встретить новый этап жизни в полном предвкушении. Время пришло. Последний звонок отгремел, залы, наполненные слезами родителей, аплодисментами учителей, звонкие голоса и ликующие выкрики выпускников опустели, центральные парки и площади от танцующих танцев свободных птиц остались наедине со своими лавами и фонтанами. Классы школ заполнились нервными взглядами выпускников и успокаивающими словами учителей. Наступила пора экзаменов. Анне не терпелось быстрее закончить с этим жизненным и мучительным этапом. Её не пугало сидеть одной под четким надзором экзаменаторов, не пугали усложненные до невозможности задания, сама атмосфера экзамена наводила на неё жуть, вокруг не одного счастливого лица, каждый смотрит в одну точку, любое шевеление наводит панику на ближе сидящего человека. В ней бушевало желание выскочить к доске и увлечь их всех в безмолвный театр абсурда, изобразив эту застывшую толпу в лицах. Она всегда считала безмолвную комедию незаслуженно забытым жанром. Передать драму через пластику и мимику — гораздо более тонкая работа, чем кричать о ней вслух. Глаза обмануть труднее, чем слух: зрение фиксирует форму, но лишь чуткое сердце способно расслышать то, о чем эта форма молчит. Экватор экзаменационного морока настал, впереди один из самых легких экзаменов и Анна решает посетить дом бабушки

по материнской линии. Календарное лето ворвалось в город, но природа словно забыла перевернуть страницу, застряв в самом сердце весны. Небо слепило пронзительной, почти апрельской синевой, по которой ветер стремительно гонял пушистые облака. По-летнему длинные дни обманывали ожидания: стоило солнцу скрыться за тучей, как город прошивал резкий, бодрящий ветер, заставлявший кутаться в плащи. Природа не спешила взрослеть, в отличие от Ани, которой не терпелось поделиться с бабушкой предстоящими испытаниями поступления, которые за место того, чтобы пугать её, грели душу молодой девушки. Трава буйствовала юной сочностью, одуванчики только-только сменяли желтые шапки на пушистый мех, а по вечерам пахло не душным июньским зноем, а тонкой, щемящей свежестью цветущих садов. По дороге к дому Анна рассматривала знакомые улицы, дергая нити памяти, пятилетняя Аня взбирается на небольшой заснеженный холмик прокатываясь по нему в рождественскую ночь, недалеко от холмика будучи уже семилетний на летних каникулах Аня знакомится с чернобровым мальчишкой, который ставил с ней постановки маленького принца. С этим же чернобровым пареньком они впервые попробовали закурить сигарету, облевавшись от ядерного вкуса табака и заедая его виолой, двое юных исследователей пообещали себе, что никогда больше в своей жизни не притронутся к тлеющим палочкам смерти.

- Дорогие мои, наконец-то приехали, мыть руки и за стол,

всё уже остывает – прозвенели ликующие нотки пожилой женщины, встречающей гостей на пороге дома. Обнимая каждого прибывшего, женщина с седыми волосами и причёской пикси, продолжала издавать радостные звуки. Возле стола гостей вновь заключили крепкие объятия пожилого мужчины, с такой же причёской.

- Как успехи в экзаменах? – сидя за стол интересовалась пожилая женщина.

- Отлично, ба, всё не так же ужасно, как нам рассказывали учителя, правда складывается ощущение, что только я спокойно к этому отношусь. У Арины вчера перед русским языком, чуть истерика не началась – с таким же интересом отвечала юная девушка

- Не удивительно, русский язык велик и могуч, а также тернист и сложен, а бояться экзаменов это нормально, каждый через это проходит. А как с театральным?

- Ещё лучше, творческая программа готова, коллоквиум выучен, документы буду подавать через две недели, от предстоящего голова кружится,

- Голова то не часто хоть кружиться? – с серьезным лицом спросил седой мужчина во главе стола

- Да я образно, дедуль, анализы хорошие, и чувствую я себя замечательно, не переживайте

- Ну все, приступайте к еде, у меня на кухне ещё пирог остывает, с яблоками и корицей, как ты любишь – дергая за щёку внучки, нежно проговорила пожилая женщина – Кста-

ти, Андрей тоже приехал навестить бабушку, покушаешь и отправляйся к нему, поздоровайся со старым другом.

- Аркадий прав, надо было запретить ей заниматься этой ерундой, если бы вовремя обрубили плавники, то наша рыбка бы сейчас никуда бы не уплыла – с раздражением проговаривал пожилой мужчина, очищая рыбу от чешуи.

- Вам с Аркадием только дай волю, вы не только плавники еще и жабры обрубите, чтобы наша девочка не только плавать самостоятельно не могла, но ещё и дышать – изображая такое же раздражение говорила пожилая женщина

- Хватит, не надо ассоциировать мою дочь с рыбой, последние обследования никаких серьезных проблем не нашло, она старается себя не нагружать и...

- Проблема есть, и она у неё с рождения, с этой проблемой нужно обходиться правильно, как велели тому врачи – повышая тон продолжает говорить пожилой мужчина

- Папа! Я знаю твое мнение на этот счет, знаю мнение Аркаши, но моя дочь хотела стать актрисой, и она ей станет. Вы хотите обрубить ей плавники, жабры, называете её проблемой, считаете её цель ерундой, а все усилия, которые она вкладывает в себе ежедневно пустой тратой времени, но это её жизнь, и только ей решать, что с ней делать. Она прекрасно знает о диагнозе, последствиях, но она не испугалась, если уж такая юная девушка не боится сложностей, то и мы не должны. Я приехала не спорить с вами и не отстаивать её стремления, если собираетесь продолжить, то мы уедем

- Не надо, Тоня, он больше не будет, останьтесь еще на пару часов – с горьким сожалением прошептала седая женщина, держа свою дочь за руку.

7 глава.

- Заново! – доносился крик по всему танцевальному залу.

- Аня, может отдохнешь? – ответил голос подруги

- Я не устала, последний раз – указывая пальцем на колонку, говорила Аня.

- А помнишь, как раньше было, мы включали первую попавшуюся музыку, завязывали глаза, включали камеру, и растворялись в фантазиях своей головы. У нас получались неплохие связки – обхватывая подругу руками, девушка принялась завязывать Ане глаза. Зал залился звуками музыки, и всё внешнее мгновенно растворилось, уступая место чистой стихии звука. Аня сделала глубокий вдох, позволяя мелодии проникнуть под кожу, туда, где её капризное, хрупкое сердце уже ловило этот рваный, трепетный ритм. Плотная темнота завязанных глаз больше не пугала — она дарила абсолютную, пьянящую свободу. Подруга вела её уверенно, их тела помнили каждый изгиб и порыв тех давних, полуночных домашних репетиций. Они двигались вслепую, на ощупь, стирая границы пространства. В этом танце вдруг ожило то самое, почти забытое ощущение из детства — когда бежишь босиком по мокрой от росы траве навстречу теплему ветру, не думая о правилах, запретах и чужих взглядах. Это был чистый восторг, возвращение в пору, когда мир ка-

зался огромным, а ты в нём — неуязвимым. На мгновение Ане показалось, что она снова та маленькая девочка, которая могла кружиться посреди комнаты до умопомрачения, просто потому что внутри неё пела радость. Они чертили телами невидимые, плавные линии, переплавляя в движения всю накопленную тревогу. Аня полностью растворялась в этой звенящей невесомости, зная: её надломленное сердце может пропустить удар, но сейчас, в объятиях музыки и верных рук, оно билось в абсолютном, торжествующем согласии с самой жизнью.

- Как же хорошо, спасибо тебе – валяясь на полу танцевального зала шептала Аня.

- И тебе, мы вступаем в новую жизнь, берем на себя ответственность за свою дальнейшую судьбу, но нужно сохранить те беззаботные моменты, доставляющие не только удовольствие, но и воспоминание о детской невинности – взяв в руки телефон, Арина энергично вскочила на колени, судорожно дергая свою подругу за плечо – Аня, Аня, результаты пришли! Открывай быстрее сайт.

- Господи, так рано? У меня руки трясутся – заикаясь проговаривала Аня. Рыская глазами по сайту, Анна ожидала любого результата, кроме действительного.

- Мама, у меня сто балов по литературе – отворяя дверь квартиры на распахку кричала юная девушка – Мама – озярясь вокруг и ища глазами свою мать

- Её нет дома – говорил отец, выходя из спальни комнаты

с необычной вещью для обычного дня.

- Что ты делаешь? – с подозрением спросила дочь

- Ухожу. Я просил вас оставить эту затею с театральным институтом, просил взяться за ум и не терзать свое сердце, но вы с матерью выбрали другой путь – впервые показав всю свою отторжение к дочери говорил мужчина.

- Папа, но я...

- Мечтала об этом с детства? Упорно трудилась столько лет? Не должна из-за каких-то слов врачей лишаться той жизни, которую хочешь? – повышая голос с каждым вопросом продолжал отец – Я всё это слышал, и не собираюсь участвовать в этом самобичевании – отодвинув рукой свою дочь, стоявшую на пути, взгляд маленькой девочки прожигал его со спины. Дверь хлопнула. Аня осталась одна в центре коридора, лишь слезы составили компанию одинокой душе.

Пускай весь мир кричит, что невозможно

что шаг до бездны, что неверен ритм —

Иди вперед, отчаянно и ложно

Скрывая всё, о чём внутри горит.

Ведь тот, кто ранен, бьётся вдвое строже

и тихий стук под кожей, как набат.

Твоя мечта — всего на свете дороже

и нет пути, и нет дорог назад.

Сквозь огненное клейще, сквозь лавину

В слепую в такт, на ощупь, до конца...

Взлетай на сцену, выпрямляя спину

под стук немого, гордого сердца.

8 глава.

Вновь стены театрального института встречали маленькую актрису, последний конкурс подкрался незаметно. Пробираясь сквозь знакомые коридоры Аня поймала себя на мысль, что совершает прыжок без парашюта. Заходя в кабинет на финальный colloquium Аня прошептала «Я сделала всё, что могла». Паника сменилась пьянящим чувством свободы, зажимы растворялись, проявилась творческая дерзость, которая с каждым провалом пряталась глубоко внутрь. Удовольствие, понимание себя своих мыслей и ситуации позволили Ани прожить эти мгновения в этом здании. Сон превратился в реальность.

- Ваша любимый актер и почему? – коверкающий взрослый голос заставил отвлечься Аню от своих мыслей и обернуться назад. Высокий брюнет с вытянутым лицом, голубыми глазами и растрепавшийся прической смотрел на девушку с

улыбкой ожидая ответа.

- Алёна Хмельницкая – дружелюбно ответила девушка
- И почему же? – сквозь загадочную улыбку произнес парень
- Она исцеляет души – ответила девушка
- Дима – протягивая девушке руку
- Аня
- А я выбрал Николая Караченцова из-за его неповторимой энергетики с Хмельницкой.
- Удачи, Аня, может еще встретимся
- И тебе, Дима

И вновь чемоданы наполнены одеждой, комната гостиницы приобрела изначальный облик, билеты на поезд, хранящиеся в кармане пиджака ожидают своей минуты. Последний взгляд на город, который успел оставить неизгладимый след на душе юной актрисы. По возвращению в родные места город казался таким маленьким, почти игрушечным, словно из него бережно выкачали воздух. Каждый знакомый перекресток, старые качели, просиженные лавки в единственном парке города, и даже трещины на асфальте подсвечивались особым, прощальным светом августа. Прогуливаясь по улицам Аня поймала себя на мысли, что фотографирует каждый старый, пыльной уголок города глазами. В глазах наливается странная тоска от осознания того, что в следующий раз она будет прогуливаться по этим местам будучи гостем. Близкие люди ещё рядом, но разговоры всё чаще сводиться к новым

местам, воображениям новой жизни и обещанием о встречах, которые останутся только обещаниями. Ещё недавно вы бегали по этим тропинкам, обсуждая любую мелочь в этом бескрайнем мире, а сейчас смотрите в одну точку, и нить, связывающая вас на протяжении одиннадцати лет, медленно натягивается до истончения.

- Всего полгода, это же не так много? – неуверенно спросила подруга.

- Для подруг, проводивших все время вместе? – не решавшись ответить на вопрос, Аня решила задать саркастический вопрос в надежде на более позитивный ответ подруги.

- Разве людям, проводившим столько времени, вместе не требуется небольшая передышка?

- Тогда шесть месяцев – это одно мгновение – заключив подругу в крайние объятия, Аня вытерла слезы, и пошла в свою сторону, не решившись обернуться.

И почему же прыжок в бездну так пьянят молодые умы? Они рвутся на волю, не зная ничего о ней, оставляют родные места, родные души, ради неизведанного, пленявшего чувства. Классический сценарий жизни, школа, институт, работа. Но невозможно написать один сценарий для всех, каждый выбирает свой путь

9 глава.

Неизведанная глава. Сентябрь. Новая студентка театрального института готовилась зайти внутрь здания. С того мо-

мента, когда выложили списки поступивших Аня находилась рядом с единственным человеком, который искренне радовался за неё, с матерью. В тот момент они уже привыкли к жизни вдвоем, хотя Анна не раз пыталась вернуть отца в семью, но тот не желал и слушать её. Бабушка с дедушкой конечно поздравили внучку с поступлением, но радости в их глазах не было. Врачи вплоть до конца августа настаивали поменять мнение и попробовать поступить в более сидящее и спокойное место, но мать обрывала все их слова и приказывала сосредотачиваться лишь на медицинском осмотре. Так в телефонных звонках Ани с момента приезда в новый город был только один входящий номер телефона.

- ну здравствуй, моя Кончита – шепча на ухо юношеский силуэт обошел девушка сзади и предстал перед ней с очаровательной улыбкой.

- О, граф Резанов, приветствую вас – быстро включившись в иргу начала слегка заигрывать Аня.

- Значит, моя удача тебе помогла, мы снова встретились – продолжал ослеплять своей очаровательной улыбкой молодой парень

- Получается вы мой счастливый билет – слегка покрасневши отвечала Аня

- Уже заселилась в общагу?

- Да, дом номер четыре, этаж тринадцать, комната номер семнадцать

- Почти все верно, только моя комната двадцать один –

помигивая, сказал парень – Пойдем, опаздывать лучше начинать со второго дня обучения - и протянул свою руку девушке. Центральное пространство мастерской — это абсолютно пустой, просторный зал с высоким потолком, залитый резким светом прожекторов или дневным солнцем из огромных окон. Здесь нет парт. Вместо них вдоль стен выстроены ряды простых черных стульев. Стены, некогда выкрашенные в строгий серый или черный цвет, испещрены царапинами, следами от реквизита и записками. Пол — выдавший виды деревянный паркет или плотный линолеум, вытертый до блеска тысячами шагов, прыжков и падений. В углу сиротливо стоит старое, расстроенное пианино, покрытое слоем пыли и заваленное нотами. Воздух в мастерской имеет свой уникальный, неповторимый состав. Он пахнет канифолью, нагретым металлом театральных софитов, сценическим гримом, пылью от тяжелых кулис и свежевystиранной черной репетиционной формой. В этом пространстве всегда физически чувствуется запредельная плотность человеческой энергии. Стоит провести рукой по подоконнику или углам, как ты натыкаешься на следы сотен прошлых жизней: забытый деревянный меч для фехтования, обломок бутафорской чашки, затрепанный до дыр томик Чехова с подчеркнутыми репликами и засохший тюбик театрального клея. Задняя часть мастерской или смежная с ней каморка — это филиал блошиного рынка и склад забытых вещей. Здесь в абсолютном беспорядке соседствуют предметы из совершенно раз-

ных эпох. Цилиндры и кринолины висят на вешалках рядом с современными кожаными куртками. На полках громоздятся старые чемоданы с оторванными ручками, советские дисковые телефоны, пластиковые автоматы, искусственные цветы и пыльные веера. Каждый из этих предметов ждет своего часа, чтобы ожить в руках студента во время показа этюдов. Находясь в этом месте Анна рисовала картинку своим воображением, мастерская — место крайних эмоциональных контрастов. Днем это жесткий плацдарм для тренировок, где до хрипоты кричит мастер, а студенты до седьмого пота репетируют пластику. Ночью, когда официальные занятия заканчиваются, она превращается в тихое убежище. На черных стульях появляются кружки с остывшим чаем, недоеденное печенье и разбросанные эскизы костюмов. В полумраке дежурного освещения, под тихий шепот репетирующих в углу первокурсников, мастерская становится самым уютным и безопасным местом на земле, где рождается искусство. Дверь отворилась и на пороге показался мужчина средних лет, округлившийся живот выпирал за пределы черных элегантных брюк, серую футболку скрывал клетчатый пиджак поверх которого красовался кашемировый красный шарф. Округлившееся лицо, которое украшали небольшие механические морщины, маленькие черные глаза смотрели на молодых людей с легкой издевкой, молча присев на стул, он осмотрел каждого трясущегося кролика.

- Ну что, фанатики, я поздравляю вас, вы все не стоите

ничего, но маленькое зерно таланта в вас имеется, иначе вы бы здесь не сидели. Познакомимся с вами в процессе нашего увлекательного путешествия. Вы уже определились со старостой?

- Да, Золотова Анастасия Сергеевна – выскочив как пуля с центрального стула, девушка с золотистыми волосами, узкими чертами лица, и невероятно большими зелеными глазами крикнула на всю мастерскую. Напугав больше половины присутствующих, она точно добилась своей цели, заявлении о себе.

- И где же она? – саркастически спросил преподаватель. Заставив девушку перевоплотиться из уверенного лидера в загнанную мишень. Проступившие красные пятна, метавшийся взгляд девушки, заставил Аню проникнуться к ней за долю секунды. Она понимала, что попытка быть увиденной и услышанной это не просто черта характера, а подвиг.

- Настя, замечательно подойдет на роль старосты – встав со своего места проговорила Аня, посмотрев на покрасневшую девушку она одарила её улыбкой поддержки и осмотрев всех вокруг мысленно попросила, о такой же поддержки. Вся группа встала, не осознавая своих действий и поддержала кандидатуру золотоволосой девушке.

- Вот с этим уже можно работать – одобрительным взглядом посмотрел преподаватель.

Дальнейший день прошел незаметно, первые сценки, разыгрывание эмоций, замечание преподавателя, к вечеру

все присутствующие в начале дня стали немного ближе друг к другу. Но самое интересное лишь предстояло им пережить. Законы для всех студентов не рушимы, ночь посвящения, будоражащий момент для вылупившихся птенчиков. Аня много раз представляла себе этот момент, вот она проходит по длинному коридору со своими однокурсниками по двум сторонам стоят старички этих стен, которые кричат приветственные фразы, осыпают разноцветными бумажками. Комната посвящения озарена огоньками различных цветов, вокруг мягкие подушки, столы наполнены студенческой едой: чипсы, газировка, попкорн, печенье, шоколад. Музыка пульсировала, заставляя тело двигаться в неоднозначных движениях. Её фантазии стать явью. Пока она наслаждалась мгновением, чья-то теплая рука утащила её в центр комнаты, это был Дима, рядом с ней по правую сторону оказалась Настя. Время пролетало незаметно. Старшекурсники, еще недавно казавшиеся суровыми полубогами, теперь смеялись, смешивались с толпой новичков и наливали шипящую колу в пластиковые стаканы. Здесь, под прикрытием неоновых лучей, стерлись все прошлые страхи и чужие ожидания. Аня сделала глоток, чувствуя, как пузырьки газировки приятно обжигают горло. «Вылупившиеся птенчики» шумно рассаживались по подушкам, готовые к тайным ритуалам и каверзным вопросам, которые теперь уже не пугали, а манили своей взрослой, запретной романтикой.

- Отойдем? – вновь чарующей улыбкой говорил граф Ре-

занов

- Куда? – не в силах оторваться от его манящей энергией протянула свою руку парню.

Вырвавшись из шумного разноцветного хаоса, ребята направились на балкон. Тишина, свежий воздух позволил немного расслабиться.

- Скажи мне, моя Кончита, почему именно театр? – в ночи шумного города Аня могла видеть только его сверкающие глаза. Сердце билось, дыхание вырывалось громкими порывами.

- Когда я была маленькой, мама отвела меня на премьеру «Юнона и Авось», Алёна Хмельницкая с первых минут поразила моё маленькое сердце. Она была прекрасна, поэтому после окончания спектакля я побежала на сцену дарить букет. Передо мной стояла женщина, выглядела она ужасно, у неё был рак, она сказала, что именно эта актриса заставляет её жить дальше, она исцеляет её заболевшую душу. Знаешь, для пятилетней девочки эти слова засели глубоко внутрь, поэтому я решила, что тоже буду исцелять людей. Может быть они исцелят и меня – Аня стерла навернувшиеся слезы и посмотрела парню в глаза

- От чего?

- Когда мне было семнадцать во время выступления в балетной школе, я потеряла сознание в своей сольной партии, позже мама сказала, что у меня нашли врожденный порок сердца. Родители моего отца сдали его в детдом и о их жиз-

ни никто ничего не знает, мы предположили, что передалось от них

- А ты отважная, моя Кончита – придвинувшись к девушке, Дима обхватил талию и прислонился головой к голове девушке. Они молча застыли в этой позе молча наблюдая за рождением нового дня. Любые слова сейчас были бы излишние.

Выходные прошли за прогулками с Димой и Настей, разбором оставшихся вещей, долгими разговорами с мамой, сидя на подоконнике, ночная переписка с Ариной. Новая неделя учебы, началась с посещения занятий уже в привычной позе. С девяти до двенадцати дня проходят лекционные занятия, гуманитарные предметы встречали сонные таланты, заставляя продолжить свой сон в более неудобной позе. К обеду тела оживали, сознание начинало функционировать быстрее. С двенадцати до пятнадцати тридцати проходили профильные тренажи. В это время идут сценическая речь, вокал, танец или сценическое движение/фехтование. Аня получала удовольствие от каждого занятия, преподаватели удивляли изо дня в день различными заданиями. Во вторую половину дня начинался самый непредсказуемый блок – «мастерство актёра». Официально пара длится около 3–4 часов, но на практике она часто перетекала в бесконечную работу над этюдами, отрывками, которые высасывали последние силы из ребят. Шутки над подписанием себя в добровольное рабство переставали казаться смешными, а больше

правдоподобными. Спать по четыре – пять часов становится нормой и к среде утренняя лекция по истории театра превращается в борьбу со сном. Рассматривая себя перед зеркалом Аня все чаще начала замечать на себе всё новые синяки, каждое сценическое движение, акробатика, падение во время сценки, отражалось на теле молодых людей. Мышцы болели перманентно, но с каждым пройденным днем тело начинало привыкать и получать мышечную радость. Тело привыкнуть к боли может, но голова растворяется в ней. Специфика обучения требует от актера доставать наружу свои личные травмы, страхи и слезы для создания образов. Из-за этого нервная система истощается. В один день студент чувствует себя гением (когда этюд похвалил мастер), а в другой — полной бездарностью, которой пора забирать документы. Мастера и педагоги бывают очень резкими. Умение принимать жесткую критику наотмашь и не ломаться — главный психологический вызов. Время проходило незаметно, день за днем пролетали. Чем больше Аня погружалась в новый мир, тем сильнее ей казалось, что весь мир за пределами театрального института перестает существовать. Юная актриса всё меньше общалась со старыми друзьями, родными. Она полностью погружалась в пространство курса. Группа состояла из двадцати пяти человек, которые с каждой минутой становилась новой семьей.

10 глава.

Возвращение домой вызвало в душе Ани двойственное

ощущение, приезд в родное место, где те же улицы, тот же запах, те же неторопливые знакомые лица, но внутри что-то изменилось, тектонический сдвиг. Ощущение, что прожил вдали от дома не пять месяцев, а пять лет в режиме непрекращающегося боя. Дома всё казалось таким тихим, спокойным, почти плюшевым убежищем от выкриков «Не верю», «Сначала». Стол накрыт, в кухне тебя встречает единственный родной человек, мать. Отец так и не вернулся подумала про себя Аня, ещё в поезде она лежала и выдумывала одну из лучших версий возвращения домой. Выходя из поезда, она видит вдалеке машущих бабушку с дедушкой, дома их ждет мама в красивом платье, рядом сидит отец в ожидании пролистывая каналы на телевизоре. При входе в квартиру они дружно сливаются в крепком семейном объятии, усаживаются за стол, и погружаются в рассказы Ани о театральной жизни, удивляясь умению перевоплощаться в старую ленивую обезьяну или испуганного суриката. Но реальность оказалась не такой приятной, как представляла Аня. Дома её встретила одна мать, за столом все внимание было приковано к Ане и её рассказам о удивительных шести месяцах, но той реакции, которой она ожидала так и не произошло. Бабушка с дедушкой в ужасе от ритма жизни, синяков и того с каким фанатизмом их внучка говорит о том, что она целых три недели репетировала корову на мясокомбинате. Глаза так и лезли на лоб у двух напуганных старичков. Тревожные взгляды заставляют Аню чувствовать себя неловко,

и она сводит разговоры на минимум. Лишь мать после завершения ужина проявила настоящий интерес к жизни дочери, пока остальные взрослые говорили о разрушении здоровья и ненормальности её жизни, мама выслушивала каждую историю с искренней радостью и интересом. «Милая, я горжусь тобой» слышала Аня каждый раз перед сном на протяжении всех каникул. Встреча старой компании. Бывшие одноклассники, поступившие в «обычные» вузы (на экономистов, юристов, инженеров), живут понятной студенческой жизнью: пары, клубы, подготовка по учебникам. Аня встретила с новым ощущением: полная чужеродность. Находясь среди них, она понимала, что ей скучно. Их проблемы казались такими мелкими, а её темы про систему Станиславского, Брехта или пластику Арто им неинтересны или кажутся пафосом. В какую-то из очередных встреч с Ариной, старая подруга сказала себя на мысли, что невероятно скучает по своему курсу — по тем двадцати пяти сумасшедшим, с которыми она еще неделю назад спала в обнимку на матах в репетиционной аудитории. Скучает по Диме, который единственный знает через, что ей приходится проходить каждый день, он никогда не перестывал восхищаться её упорством. Его слова поддержки, которые он говорил только ей на ухо, обнимая после каждой репетиции, служили ей трамплином для полета. Представляя их встречу, Аня засыпала в тех сладких фантазиях каждую ночь, отсчитывая дни до отъезда. Этот Новый год впервые засыпал их дом не праздничным шумом, а

звнящей, непривычной тишиной. Из квартиры словно ушла целая эпоха, оставив после себя слишком много свободно-го места. Стол, который раньше ломился от еды для большой компании, теперь казался сиротливо просторным — на нём едва уместились две салатницы и пара фужеров. Но в этой пустоте родилось новое, удивительно хрупкое тепло. Мама, стараясь не подавать вида, с особенной нежностью поправляла мишуру на ёлке, а Аня ловила себя на мысли, что они стали ближе. Это был праздник без фальшивых тостов и натянутых улыбок. Под тихий шёпот старого телевизора и треск бенгальских огней они сидели, тесно прижавшись друг к другу, без слов понимая: их мир стал меньше, но они выстоят. Завершающей частью праздника стала вечеринка в квартире подружки, никаких разговоров о учебе, самостоятельной жизни, предстоящих экзаменов, только теплые воспоминания о бывалых днях, смешные истории детства, громкая музыка, танцы. Первое утро нового года подарило Ане лучший подарок, сообщение от него «Доброе утро, С Новым Годом, моя Кончита. Скучаю», и вновь девушка погрузилась в фантазии их первой встречи после долгой разлуки, «и я скучаю» подумала Аня и от этой мысль теплое чувство пробежала по каждой клеточке тела.

- Милая, ты проснулась? У меня для тебя подарок – голос матери доносился с кухни. Открыв дверь, она вдохнул запах детства, какао и домашнее шоколадное печенье матери.

- Как я скучала по этому запаху, мам – с детской улыбкой

поедала печенье и запивала какао Аня.

- Какие планы на вечер?

- Никаких, есть предложения?

- Двенадцать стульев – выпучивая глаза произнесла веселым голосом мать

- Да ты что? Я с удовольствием, к какому часу нужно собраться?

- к шести

- Здорово, спасибо, мама – вскакивая изо стола и выплескивая радость голосила Аня.

- На завтрашнее утро тоже ничего не планируй, я договорилась сходим на обследование

- Хорошо, товарищ-прапорщик – подмигивая матери, Аня принялась к поеданию печенья и какао.

Как и было обещано к шести часам вечера Аня при полном параде ожидала выхода на спектакль, её пребывание в родном городе уже не казалось таким ужасным как в первые минуты после поезда. Находясь рядом с мамой, она чувствовала умиротворение, стены не давили на неё, пустая болтовня наполнялась смыслом, дышать было легко, а скука по другой жизни исчезала.

- Антонина Семеновна, не буду вас обманывать, всё это нужно прекращать немедленно если вы не хотите пережить своего ребенка – серьезным тоном произнес мужчина в белом халате, одновременно поправляя черную оправу очков у себя на носу. Женщина смотрела на него неподвижным

взглядом, не решавшись заговорить, врач продолжил впихивать в неё медицинские умозаключения – Я все понимаю, вы из тех родителей, которые за мечту ребенка будут бороться, но вы боретесь против неё. Обследование показало, что сердце перестаёт отражать компенсаторные механизмы. Это УЗИ вашей дочери на нём видно, как предсердия и желудочки увеличиваются в размерах. Сердце растягивается, как старая пружина, чтобы вместить избыточный объем крови. Затем, посмотрите на это – указывая женщине пальцем на бумажку, где напечатано множество непонятных цифр и букв, сплеставшихся в одну кучу – Падение фракции выброса. Если раньше в покое ФВ была нормой 55–65%, то из-за постоянных перегрузок миокард теряет сократительную способность. Показатель начинает падать ниже 50%, а затем и 40%, фиксируя развитие сердечной недостаточности, Антонина Семеновна, вы понимаете, о чем я вам говорю? – Взгляд мужчины в белом халате был суров – Давление в легочной артерии вашей дочери в покое начинает неуклонно расти. Если в норме оно до 25 мм ртутного столба, то из-за перегрузки оно превышает 50–70. При некоторых пороках это приводит к необратимому синдрому Эйзенменгера. Этот синдром означает, что сброс крови меняет направление на противоположное. Также, из-за растяжения полостей сердца клапанные кольца тоже расширяются. Створки клапанов перестают смыкаться, и на УЗИ фиксируют переход регургитации, то есть обратного тока крови из легкой степени в умеренную и тяжелую.

- Достаточно – вытягиваю руку вперед женщина со слезами на глазах, старается показать всем видом, что слушать она больше не намерена, но мужчина не останавливается.

- Антонина Семеновна, я не пытаюсь вас напугать, я хочу защитить вас и Аню от самого ужасного, как вы не понимаете

- Я сказала достаточно – ненависть в глазах женщины, не давала продолжить мужчине сказать хоть слово. Насладившись тишиной несколько секунды, Антонина Семеновна выхватила бумажки из рук и вышла в коридор, где её ожидала дочь.

- Ну что? – глаза девочки были наполнены надеждой, Антонина Семеновна, испытав ужас в кабинете врача, не могла здраво смотреть на свою дочь. Она застыла перед ней сидела маленькая девочка пяти лет, непослушные кудри свисали на аккуратное маленькое личико, прикрывая удивительно дивные глазки. Она смотрела на женщину улыбаясь, издавая смешные звуки. Девочка сидела на месте неподвижно, но что-то дергало женщину за плечо.

- Мам, мама, мама что с тобой? – в полном непонимании дергая плечо матери говорила Аня

- Что? Ой, извини, милая, что-то я задумалась – выйдя из оцепенения пробормотала мать.

- Что со мной?

- Все хорошо, милая, пойдем домой – поглаживая голову дочери произнесла самую сладкую ложь в своей жизни женщина.

11 глава.

Первые экзамены. Где-то на одном конце города несколько сотен юристов поджав хвосты заучивают формы власти, государственные устройства, законы. На другом конце города трясясь от страха бедующие медики судорожно перечитывают учебники по анатомии, недалеко от них экономисты настраиваются на многочисленные задачи, длинные числовые выражения. А в центре города, царит совершенно другая атмосфера. Актеры. Эти затейники не знают, что такое билеты, шпаргалки и чинные ответы у доски. За место этого их ожидает двухнедельный марафон непрерывных показов, где студенты сдают не конспекты, а самого себя, свое тело и эмоции. Театральная сессия — это колоссальная нагрузка на организм. Экзамены идут один за другим: мастерство актера, сценическая речь, танец, сценическое движение, вокал. Тело юных актеров превращается в сплошной синяк и комок натруженных мышц. Ночи перед экзаменами не существует — курсы репетируют в мастерских до 4–5 часов утра, спят по очереди на матах, пьют литрами дешевый кофе и энергетики. На показе по пластике или танцу каждый выходит к комиссии с бешено колотящимся сердцем, а в голове крутится одна мысль: «Только бы не подвела нога, только бы не сорвать дыхание». В отличие от гражданских вузов, где худшее — это пересдача или двойка, в театральном на кону стоит твое право оставаться в профессии. Первая сессия — это период первых официальных отчислений «за профнепригод-

ность». Ужас сковывает изнутри. Экзамен по мастерству актера, где происходит показ одиночных этюдов или этюдов на наблюдения за животными, оценивает вся кафедра во главе Мастером. Первая сессия намертво сшивает курс в единый организм. Одиночкой здесь выжить невозможно: в каждом этюде тебе нужен партнер, кто-то должен вовремя включить музыку, выставить свет или вытащить на сцену реквизит. Исчезает личная гордыня. Оценка напрямую зависит от того, насколько точно подыграл тебе однокурсник. За кулисами царит особая атмосфера между каждым членом команды, все держатся за руки, шепчут слова поддержки, судорожно поправляют друг другу костюмы. Успех одного — это общий триумф, провал одного — общая трагедия. Появляется то самое легендарное чувство «театральной семьи». Секунды за кулисами перед выходом на экзамен по мастерству — это точка максимального психологического сжатия, когда весь огромный мир сужается до размеров твоего следующего шага. Студент стоит в узком, пыльном полумраке закулисы. Прямо перед его лицом — тяжелая, пахнущая канифолью ткань кулисы. В этот зазор между тканью и косяком бьет ослепительный, почти осязаемый луч прожектора. В нем бесшумно кружатся пылинки, похожие на космический рой. Там, за этим лучом — абсолютная темнота зрительного зала и ледяное молчание комиссии. Он не видит их лиц, но кожей чувствует их выжидающие взгляды. Время замедляется, превращаясь в густой кисель. Пульс больше не стучит в груди

— он оглушительно гремит прямо в барабанных перепонках, заглушая любые внешние звуки. Воздух становится сухим и горячим, горло перехватывает спазмом, а искусанные губы кажутся чужими. Пальцы рук ледяные, судорожно сжимая и разжимая кулаки, чтобы вернуть им чувствительность. Рядом в такой же темноте застыл партнер. В обычной жизни они могли подолгу спорить или недолюбливать друг друга, но в эти мгновения он — единственный спасательный круг в этой вселенной. Чувствуя прерывистое, рваное дыхание друг друга, на секунду взгляды пересекаются и без слов, одним коротким, жестким кивком они сшивают себя в единое целое. Слова поддержки не нужны, сжимая до боли плечо, каждый дает понять, что они пройдут через это вместе. В голове — звенящий ментальный хаос. Мысли путаются: «Какая первая реплика? С какой ноги идти? Куда ставить стул?». Паника подкатывает к самому горлу. Но в ту самую секунду, когда помощник режиссера или староста курса шепотом произносит твою фамилию, внутри происходит резкий, сухой щелчок. Страх не исчезает, нет. Он трансформируется в чистый адреналин и ярость хищника. Глубокий вдох, отделавшись от спасительной темноты кулис и делая шаг вперед — прямо в слепящее пекло софитов. Когда показ завершается, и комиссия уходит на обсуждение, наступает момент, ради которого они и пришли в эту профессию. Мастер зашел в мастерскую и объявил оценки, говоря, что курс справился и никого не отчислят, мастерская взорвалась ревом, слезами

и объятиями. Навалилась свинцовая, невероятная усталость, но вместе с ней пришло дикое, пьянящее ощущение счастья и абсолютной свободы. У Ани проскочила мысль: «Я выдержала. Я настоящая студентка театрального. Я внутри этого мира».

- Мы пережили это – усталая улыбка протекла по лицу Димы, руки задержались на талии девушке, он смотрел на усталое лицо Ани, желая поцеловать её. Но что-то не давало ему совершить желаемое, Аня совсем не обращала внимание на него – Что случилось?

- Ничего, я просто устала – посмотрев на парня, Аня поднесла свои руки к его лицу, его глаза прожигали её изнутри, мысленно она целует его наслаждаясь каждым теплым прикосновением, но девушка уже сделала шаг в сторону от своих соблазнительных фантазий, отвернувшись от Димы она ушла в свою комнату.

Отстранённость Ани продлилась все каникулы, матери она сказала, что запланировала веселые поездки с друзьями, кино, театр, прогулки по зимней Москве, друзьям она сказала, что заболела и хочет провести пару дней в постели, но с каждым днем врать становилось сложнее, особенно Диме. Его настойчивость поражало Аню, он приходил к ней каждый день, в руках у него всегда находился подарок для поднятия настроения. Но каждая попытка быть увиденным оборачивалась провалом. Две недели Аня провела в больничных стенах. Словам матери она не поверила, поэтому пообещала

щала себе, что, если переживет первую сессию, то начнет самостоятельно заниматься своим здоровьем. С момента обнаружения врожденного порока сердца мать занималась всеми обследованиями, разговорами врачей и вплоть до последнего обследования, Аню не тревожил сорняк, прорастающий в её саду, но рано или поздно они напоминают о себе. Во время сессии Аню часто посещали тревожные мысли перед выходом на сцену, в отличие от всех остальных она мысленно просила своё сердце дать ей надежду.

- Анна мы не будем от вас скрывать, изучив ваши последние показатели и поговорив с врачом, я хочу вам сказать, что вы сделали правильный выбор. В какой-то момент наш жизненный путь расходится с нашими мечтами, но это не означает, что он заканчивается, лишь меняет направление – мужчина в белом халате проговаривал слова, от которых у девушки затряслись руки.

- Извините, я не очень понимаю вас, о каком направлении идет речь?

- О вашем уходе из театрального, Анна

- Я не собираюсь отчисляться, я сказала лишь, то, что хочу самостоятельно контролировать своё здоровье, потому что до этого всем занималась моя мама. Театральное – мой дом.

- Ваш врач предупреждал меня о вашей любви к театру и намерении сделать карьеру, но скажите мне, если вам все-таки удастся закончить театральное с учетом сильных нагрузок, как долго продлится ваша карьера?

- Столько, сколько я смогу давать людям счастье и исцеление

- Исцеление? Вы, будучи такой молодой несете серьезную миссию на своих плечах, не каждый человек способен до этого додуматься

- Я лишь хочу помогать людям

- Как и я хочу помочь вам, нас даже можно назвать коллегами. Выход только один – смена препаратов, а также вам требуется операция, без разреза грудной клетки, через маленький прокол в бедре. Если закрыть порок сейчас, сердце быстро вернется к нормальным размерам, и вы сможете продолжить учебу в театральном практически без ограничений. Если затянуть — изменения станут необратимыми. Операция занимает около часа. Если вы согласны, то я начну подготовку с документами. Операция будет проходить в вашем городе, если даете ответ сейчас, то думаю, до конца каникул мы управимся.

- Да, я согласна

Выйдя из кабинета врача, девушка сделала глубокий вдох выдох, решавшись набрать номер человека, с которым давно не разговаривала. Три гудка.

- Привет, папа

- Привет, Аня, что случилось? – сказал испугавшийся мужской голос на другом конце связи.

- Ничего, хочу поговорить с тобой насчет операции

- Какой операции?

- Которую мне назначил врач в Москве, она сужает порок в сердца, через прокол в бедре. Я дала свое согласие, но операция будет проходить в нашем городе. Мама ещё не знает, и я...

- Постой, я не хочу ничего знать. Когда я уходил, то вроде бы обозначил своё мнение на ваши с матерью действия. Если нужны деньги на операцию, то звони ей

- Нет, папа, она бесплатная, я просто хотела, чтобы ты знал и может быть пришел бы в больницу или...

- Аня, не звони мне больше – мужчина на другом конце провода повесил трубку. Короткие гудки заполнили холодный больничный коридор. Девушка так и осталась стоять, замерев с онемевшим телефоном у уха. Слезы одна за другой катились по горячим щекам, воздух с трудом прорывался в легкие, а надломленное сердце, раненное этим предательством, отзывалось неистовой, физической болью. Сил на разговор с матерью у девушки не хватило, пробираясь сквозь шумные улицы, где повсюду гуляли счастливые лица, наполненные праздничной атмосферой, Аня чувствовала себя лишней. Ей казалось, что один взгляд на неё может уничтожить радостное мгновение этих людей. Праздничная толпа текла по проспектам яркой, бурлящей рекой. Дети ловили языком пушистые хлопья падающего снега, взрослые целовались под часами, и весь город казался ожившей сказкой. Аня шла сквозь этот поток, как привидение, не оставляя следов. Чужое счастье обтекало её, не задевая. В эти ми-

нуты она остро осознала: можно быть бесконечно одинокой в пустой комнате, но ничто не сравнится с той леденящей пустотой, которая настигает тебя в самом центре ликующего человеческого муравейника. Звонящий новогодний воздух, пропитанный запахом хвои и мандаринов, казался ей чужим праздником, на который её забыли пригласить. Ноги сами привели её к стенам, которые всегда питали её силой. Здесь, в тишине театральной мастерской, она наконец чувствовала себя на своём месте. В этих пустых коридорах ей всегда были рады, пусть эта радость и оставалась безмолвной, запечатанной в старых деревянных половицах и запахе кулис. На каникулах пустующее здание хранило в себе особое, почти магнетическое притяжение для юной актрисы. Пробравшись в темный танцевальный зал, Аня привычным жестом включила музыку, туго завязала глаза плотной тканью и полностью растворилась в танце. С первыми звуками мелодии весь внешний мир с его равнодушными больничными коридорами, жестокими отказами отца и фальшивым новогодним блеском улиц мгновенно перестал существовать. В этой спасительной темноте под повязкой ей больше не нужно было носить маску здорового и сильного человека. Подчиняясь ритму, её хрупкое, израненное сердце сделало глухой толчок, а затем покорно последовало за ускоряющимся темпом флейты. Она чертила телами невидимые, ломаные линии в воздухе, выплескивая в движения всю ту неистовую боль, что жгла её изнутри. Беззвучный плач превращал-

ся в безупречную пластику. Здесь, наедине с холодной гладью зеркала, которое не могло её осудить, она выплясывала свое одиночество, превращая насилие над собственным телом в чистую, трагическую магию искусства. В этот миг она была по-настоящему свободна — раненая птица, летящая вслепую сквозь шторм. Вращаясь в полумраке и вычерчивая руками элегантные узоры, Аня вдруг вздрогнула: по коже пробежали мурашки от чужого, неожиданно теплого прикосновения. Она резко остановилась и уже потянулась к узлу повязки, чтобы сорвать её, но до слуха донесся знакомый шепот. Тихий голос велел ей не останавливаться и продолжать танец. Этот шепот казался до боли родным и в то же время неузнаваемым в звенящей тишине пустого зала. Из-за глупых внутренних страхов и упрямого нежелания казаться слабой, Аня сама отстранилась от единственного близкого человека в этом бескрайнем, чужом мегаполисе. Но он не позволил ей уйти. Дима мягко, но уверенно взял её за руку, притянул к себе её всё еще дрожащее тело и увлек за собой. И они растворились в звуках музыки. Не видя друг друга, влюбленные парадоксально стали единым целым. Они безупречно угадывали каждое следующее движение, кожей улавливая рваное дыхание и тепло друг друга. Наощупь, доверяя лишь инстинктам и ритму, они кружились по залу, пока в запале танца не налетели на спортивные маты, сваленные в углу. Потеряв равновесие, они со смехом повалились вниз, крепко обхватив друг друга за талию. Дима аккуратно

стянул повязку с её глаз и замер. Перед ним было то самое счастливое лицо, в которое он без памяти влюбился еще полгода назад с первого взгляда. Он смотрел в её сияющие глаза, и внутри него лавиной оживало осознание того, как же она прекрасна. Разлука на время каникул была для него настоящим изнурением, но теперь, когда они лежали на мягких матрах, а их дыхание постепенно выравнивалось, всё это перестало иметь значение. Их звонкий смех медленно сошел на нет. В воцарившейся тишине Дима перевел взгляд с её глаз на подрагивающие губы. Аня затаила дыхание, невольно повторяя его микродвижения. Оставалось лишь одно короткое мгновение, отделяющее их от заветного, общего желания. Дима медленно наклонился, и его губы мягко коснулись её губ. Аня закрыла глаза и ответила на этот поцелуй, чувствуя, как её капризное, хрупкое сердце впервые за долгое время бьется в абсолютно спокойном и счастливом ритме. Наслаждение оборвалось быстрее, чем ей хотелось, первый поцелуй получился мокрым, от слез, которые градом свалились на девушку, как бы ей не хотелось остановить поток, она не могла. Отстранившись от Димы Аня приняла сидячую позу, стараясь не подавать виду, как ей стыдно перед ним.

- Аня, что с тобой? Перестань отстраняться от меня, ты же видишь, что от этого плохо и мне и тебе – он дотронулся рукой до её, желая достучаться до девушки. - Знаю, поэтому мне очень стыдно перед тобой – набравшись смелости, она повернулась к нему, взяв за руки продолжила говорить – Ты

знаешь о моем пороке, после Нового Года, мы как обычно пошли с матерью на обследование, выйдя из кабинета врача, она была бледная как смерть, в глазах пустота, она смотрела на меня застыв на месте. Она сказала, что всё хорошо и мы можем пойти домой, но я же не глупая, я понимала, что из-за сильных нагрузок, моё состояние ухудшилось. Честно, я очень тяжело пережила эту сессию из-за страха, что дальше будет тяжелее я решила обратиться к московским врачам и пройти обследование здесь – с легким смешком добавила Аня –потратила все деньги, высланные мамой на каникулы, обманывала всех вокруг – посмотрев на Диму с сожалением в глазах – оттолкнула тебя, потому что ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.